

Забыть нельзя помнить

Автор:

[Агата Горай](#)

Забыть нельзя помнить

Агата Горай

Одна против всех. Психологические триллеры

Кира Медведь провела два года в колонии за преступление, которого не совершала. Но сожалела девушка не о несправедливости суда, а лишь о том, что это убийство в действительности совершила не она. Кира сама должна была отомстить за себя! Но роковой выстрел сделала не она. Чудовищные воспоминания неотступно преследовали Киру. Она не представляла, как жить дальше, когда ее неожиданно выпустили на свободу. В мир, где у нее ничего не осталось.

Агата Горай

Забыть нельзя помнить

Серия «Одна против всех. Психологические триллеры»

© Горай А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Кира Медведь

Ноябрь 1998

Раз, два, три, четыре, пять —

вышла Кира погулять...

«Погулять», смешно.

Детская считалочка – просто чтобы хоть чем-то занять бесполезный мозг во время так называемой прогулки. Обычно я считаю шаги, их бывало сто – иногда полтысячи, а сегодня захотелось игры.

Раз, два, три – я стою в крови.

Три, четыре, пять – вот пятно опять...

Спустя неделю моего пребывания в женской колонии «Касатка» я обнаружила на полу в камере целых три бурых лужи. Кровь невозможно спутать ни с чем, если ее не отмыть сразу – она навсегда въедается во что бы то ни было: руки убийцы, человеческую душу или цементный пол. Судя по оттенку – лужи появились на полу в разное время и, ясное дело, вытекли из незнакомых друг другу людей. Кем были эти несчастные? А сколько приговоренных к разным срокам душ покинули этот мир, не оставив после себя даже кровавого отпечатка: повесившись или отравившись? Совершив какое преступление, они не смогли справиться с чувством вины и выбрали смерть? А не все ли равно? Не о том думаю. Преступление у каждого свое, и все расплачиваются за него по-своему – кто-то в этом мире, кто-то уже в ином.

Сегодня у меня маленький юбилей – семьсот тридцать дней молчания. С моим речевым аппаратом все в полном порядке. У меня не своровала язык кошка, мне просто больше нечего сказать этому миру. Я по своей воле отказалась произносить слова, мне так спокойнее.

Следователь, который вел мое дело, расценил молчание как необоснованное высокомерие и самодовольство. Доктора, обследовавшие меня, разглядели в моем нежелании говорить сразу несколько разновидностей афазии. И любезно пояснили, что это за зверь такой: афазия – локальное отсутствие или нарушение уже сформировавшейся речи. Интересы развенчивать безумные и глупые домыслы всех этих людей у меня не было и нет. Я просто продолжаю молчать.

Четыре грязно-серые стены одиночки и небо сквозь решетку – реальность, которая меня вполне устраивает.

У меня ужасно болят все кости – лопатки, копчик, локти. Синяки по всему телу выразительно кричат о том, что за месяцы тюремного заключения внушительная жировая прослойка ничуть не спасала от жесткости тюремной койки. Кровать – деревянный настил, накрытый наполовину сгнившим матрасом, стол на одной ножке, намертво приколоченный к стене, табурет, раковина, унитаз и зарешеченное окно размером с подушку – скромный интерьер моих покоев. У кого-то небо в алмазах, а у меня – в клетку. Но я не жалуясь. Меня все устраивает.

Одиночка – это мой выбор, а не, как полагают многие, Уголовного кодекса. Я намеренно нарушаю тюремный устав, только бы оказаться в одиночке. Я не нуждаюсь в социуме и в общении. Мне не интересны судьбы других несчастных, которые то и дело норовят «поговорить по душам». Меня раздражают рассуждения о светлом будущем вне этих стен, раскаяние и обеты избрать верный жизненный путь. Мне хочется одного – тишины и покоя, и я их получаю.

«Жизнь – боль» – читаю на одной из стен, практически у изголовья койки, слова, написанные, скорее всего, углем. «Отсиджу за чужие грехи и начну свою жизнь с чистого». Помада, что ли? «Провести остаток дней здесь не страшно. Страшно было жить в постоянной лжи, предательстве и изменах» – маркер, может быть, фломастер зеленого цвета, но такой огненный по смыслу текст. «Здесь была Я – Нонна Ветер. 1980–1985»; «Лучше смерти может быть только смерть»; «Отче наш, ижи еси на небеси. Да святится...»; «Черная вдова – да будет так!»; «1968–1972»; «1993 – прекрасно, что смертной казни в нашей стране больше нет, – отсиджу и продолжу начатое. Л.В.»; «Жизнь, прощай. Если Ад в самом деле такой, каким его описывают, – я лучше перееду туда»; «Т.К.»; «Конец»; «Сиджу за решеткой в темнице сырой... Но я не орлица, а он был КОЗЕЛ». Красные, синие, черные, зеленые надписи поверх затертой до дыр побелки исполняют роль обоев в моем нынешнем жилище, разных цветов и разного содержания, но

общее у них все же нашлось – боль. Никто в подобные места не попадает просто так, каждого в клетку загоняет одно чувство – боль обиды, боль потери, боль предательства, боль измены. Кто-то из попавших в эту конуру оставил кровавый след, кто-то всего лишь каплю чернил, но я уверена, четыре стены отпечатались в душе каждого кровавым тавром.

Раз, два, три, – запись тридцать три.

Три, четыре, пять, —

есть что почитать.

Шесть, семь, восемь, —

каждый что-то просит.

Девять, десять, ноль, —

в каждом слове боль.

– Немая, на выход! – гремит, будто колокол в пустом храме, и эхом отдается внутри меня.

Абсолютно не понимаю, куда и зачем «выходить», но я «немая», поэтому без лишних вопросов шагаю к выходу.

– Руки давай. Свиданка у тебя с начальником. В твоём деле вроде как появились новые факты. – Двухметровая «сторожевая» тетка надевает мне браслеты, хватая за локоть и тащит так, будто я не человек, а репа, которую непременно нужно выдернуть из земли. – Уж не знаю – чего да как, но сдаётся мне, что ждёт тебя хорошая новость. Дуракам везет.

В колонии давно ходят слухи, что я с головой не дружу. Прознали здешние «владычицы» каким-то образом о моём проживании в психушке, и плюс к тому, что «немая», я ещё и «идиотка» у них. Хотелось бы, чтоб так оно и было, может, с диагнозом дебилизм или идиотизм, если таковые существуют, мне было бы легче принять реальность.

– По мне, так зря в нашей стране нет смертной казни, такие нелюди, как ты, не имеют права топтать землю. Тебя выродили, вырастили, воспитали, а ты... –

Каждое слово звенит холодной ненавистью. – Эх, была б моя воля!..

Я как-то слышала, как эта самая «сторожевая» гоняла по тюремным коридорам крысу (их здесь хватает), только от одних ее воплей – «Стой, тварь! Все равно ведь поймаю! Лучше я тебе голову размозжу одним махом, чем ты долго и болезненно будешь подыхать от яда. Искать спасения бесполезно, мерзкое животное! Как же я вас ненавижу! Какие же вы мерзкие!» – можно было отдать Богу душу. В этом вся человеческая сущность – в ненависти ко всему и всем. Но по поводу смертной казни я с ней согласна – зря ей нет места в нашем государстве. Как бы это было здорово – ток по венам или инъекция, да даже расстрел, и тебе больше никогда не придется думать и анализировать, чувствовать и сходить с ума, все в один миг прекратилось бы...

– Пришли. – Серые лабиринты коридоров быстро приводят к двери, обшитой черной кожей, и надзирательница, на миг ослабив хватку, стучит. – Заключенная Медведь Кира доставлена. Ей можно войти?

– Да.

Впервые за два года я оказываюсь в кабинете начальника колонии, если быть точной – начальницы. Маленькая хрупкая женщина лет пятидесяти, с небрежной гулькой цвета сгнившей соломы на голове и огромными очками на носу нелепо смотрится в большом просторном кабинете. Общее у помещения и его хозяйки одно – серые, почти черные «одежды». На женщине цвета темной ночи костюм. Шторы такого же цвета и фактуры занавешивают окно. Мебель: железный шкаф, пара стеллажей, забитых папками, книгами, журналами, стол, стулья, в углу, у окна, кованая подставка с несколькими зелеными вазонами – и все это в черно-сине-зеленых тонах. Мрачно и неудобно. Но, видимо, начальница чувствует себя в подобной обстановке вполне комфортно. Я же, в своем насыщенном синем комбинезоне, являюсь самым ярким пятном в царстве темных тонов. Да и рыжий ежик на голове – просто пылает.

– Присаживайтесь. – Голос звучит мягко, вполне соответствует образу женщины, но точно не ее должности. – Вокруг да около ходить не стану. Некогда мне вести долгие беседы.

Чего-чего, а сидеть мне точно не хотелось, но я послушно присаживаюсь на один из трех стульев. Объяснить свое неповиновение все равно не смогу, лучше уж

сесть.

– Только что у меня был господин Беликов, напомним – это следователь, который вел ваше дело, вдруг вы запомнили. Так вот. Уже сегодня вы свободный человек, и, надеюсь, завтра, не только на бумагах. В крайнем случае два-три дня – и вас выпустят. Но не думаю, что это затянется. Государству ни к чему кормить лишний рот.

Абсолютно ничего не понимаю, но и раскрывать рот не хочется, я привыкла к безмолвию.

– Думаю, вам интересно узнать, с чем связан этот радикальный поворот в вашем деле. Вот, – худосочные руки протягивают мне какой-то лист бумаги, – прочтите. Откровенно говоря, я отказываюсь понимать – почему вы все это время молчали. Осознанно провести два года жизни в клетке за чужие грехи... Не мне судить о вашем психическом и душевном состоянии, но в подобной ситуации не могу не согласиться с мнением моих подчиненных, которые предполагают у вас некое психическое расстройство. Вот только они считают вас безумной оттого, что вы учинили безжалостную расправу над собственными родителями; я же думаю, ваше безумство заключено в том, что вы даже не попытались объясниться и очистить свою репутацию. До сегодняшнего дня я вообще не размышляла на ваш счет – убийца, с какой стороны на него ни взгляни, остается убийцей. А сейчас...

Женщина замолкает. А мои глаза медленно скользят по немного пожелтевшему листу бумаги. Аккуратный отцовский почерк узнаю с первых слов:

«Дочка, если сможешь когда-нибудь простить нас с матерью – прости. Мы подарили тебе жизнь, и мы же почти изничтожили ее. Продолжать тащить и дальше на себе этот груз нет ни сил, ни желания.

Людское мнение было когда-то важнее здравого смысла, важнее твоего здоровья, твоего будущего... Да что там, важнее самой жизни. Важнее самого главного – счастья стать дедом и бабой. Когда в наших головах случилась подмена истинных ценностей – одному небу известно, и да простит нас Господь за это. Хотя нет, я даже не пытаюсь просить у него помилования.

Надеюсь, у меня получится все исправить, и ты еще успеешь пожить в радость. А для нас с матерью, уверен, припасено теплое местечко в Аду уже давно. Это нас нужно было закопать в сырую землю еще при рождении, а не ни в чем не повинное дитя, твое дитя.

Дочка, строй свою жизнь так, как считаешь нужным, и никогда, слышишь – никогда не обращай внимания на чужие пересуды, мнения, оценки, ожидания. Жизнь твоя! Жизнь одна! Плюй на чужие мнения – ведь тот, кто судит, возможно, уже завтра отправится на тот свет. Тебе дальше жить с тем камнем, который он навесил на твою шею своим косым взглядом; с тем поступком, на который он тебя побудил. Люди поговорят да забудут, а ты – никогда.

Одному Господу известно, как сожалею я о том, что осознание этого пришло ко мне слишком поздно. Хотя я очень надеюсь, что для тебя еще не слишком.

Дочка, мы с матерью благословляем тебя на счастливую жизнь, а сами будем покоиться с миром и вымаливать у Господа счастливой для тебя доли. А нам уж ничего не нужно. Мать, как всегда, не согласна с моим решением, но впервые в жизни я поступлю против ее воли (что нужно было сделать много лет назад). Мы достаточно долго безнаказанно топтали эту землю, думаю, пришло время заплатить за свои грехи и вымолить тебе Рай на Земле.

Для следствия:

В моей смерти и смерти моей супруги прошу никого не винить – я все решил сам и за все свои злодеяния сам понесу наказание, пусть даже в другой жизни.

Георгий Медведь».

Странно это читать. Отец никогда не верил в Бога, да и в черта тоже.

Руки дрожат, а сердце не знает, как ему быть – то ли вырваться наружу, то ли замереть навсегда. Доставило ли мне радость это послание из загробного мира? Нет. Сумею ли я простить? Нет. Счастлива ли я оттого, что мне дарована свобода? Нет.

Следователь постоянно задавал мне один и тот же вопрос – как можно быть настолько бессердечным ребенком, чтоб из охотничьего ружья двумя точными выстрелами снести родительские головы? А я вот уже второй год сожалею, что это была не я. Страсти немного улеглись, но даже сейчас моя рука не дрогнула бы. Раны до сих пор кровоточат. Даже сейчас я бы спустила курок, глядя прямо в глаза мамочки и папочки, как когда-то они смотрели в мои глаза и делали свое грязное дело.

– Я уже занимаюсь подготовкой всех необходимых документов, а вы можете смело упаковывать вещи и благодарить своего дядю до конца дней своих.

В голове туман, а глаза застилает какая-то непонятная пелена, но точно не слезы. В мыслях пульсирует вопрос. И, кажется, мысли мои настолько громкие, что начальница слышит и отвечает:

– Игнат Павлович Сыч, родной брат вашей мамы, приехал погостить, но вместо распростертых сестринских объятий встретился лицом к лицу с заколоченными ставнями. Соседи быстро ввели его в курс дела и вручили ключи от дома. Так как вас взяли с поличным и вы никоим образом не попытались оспорить свою вину, вас ведь обнаружили у не успевших остыть тел, в крови и с оружием в руках, все было ясным, как божий день, и ваш дом полицейские осматривали не так тщательно, как следовало бы. Ну не любят наши стражи порядка лишней раз растрачивать энергию. К чему напрягаться, когда убийца сидит на «блюдце с кровавой каемочкой» прямо перед ними, а как оказалось... Прежде чем навестить вас здесь, мужчина принялся наводить в доме порядок, вы, думаю, понимаете, с какой картиной ему пришлось столкнуться. Этот листок бумаги был обнаружен под кроватью в вашей комнате. Скорее всего, он был оставлен для вас на тумбочке у изголовья кровати, быть может, и на самой кровати, но то ли сквозняки, то ли еще что... В любом случае благодарить вам стоит дядю, который не выбросил пожелтевший клочок бумаги в мусор, а прочел и обратился в правоохранительные органы. Поскольку его заверили, что после ряда необходимых процедур вас непременно освободят, он не стал сюда приезжать, а дожидается вас дома.

Начальница на секунду замолчала, перевела дух и сухо продолжила дальше:

– Следователем тут же было поднято ваше дело и изучено в этот раз внимательно и добросовестно. Как оказалось, заключение патологоанатома, на которое, думаю, пару лет назад никто не обратил внимания, само по себе

является одним из главных доказательств вашей невиновности. Если бы стреляли вы, пули вошли бы в одну и другую жертву совершенно под другим углом и повреждения были бы иными. В заключении указано еще несколько подобных фактов, которые прежде, видимо, приняли за некачественную работу доктора, а в итоге выходит, что в вашем деле он единственный потрудился на совесть. Еще были заново изучены фотографии с места преступления – если бы стреляли вы, тела находились бы в других позах, но и на это почему-то никто не обратил внимания тогда. В общем, если я продолжу, то выставлю нашу полицию в совершенно неприглядном свете, а вам, сдаётся мне, не так важно, как и кто докопался до истины. Факт остается фактом – клеймо убийцы с вас стерто. Но хочу вернуться к письму вашего отца. Исходя из написанных им строк... Кстати говоря, то, что письмо написано рукой вашего отца – в этот раз подтвержденный экспертами факт. Так вот из письма мы узнаем, что ваши родители задолго до дня собственной смерти совершили другое жуткое преступление. Ничего не хотите рассказать? О каком ребенке и сырой земле идет речь? Я проверяла – вы никогда не рожали.

Я не совсем понимаю, о каком «дяде» идет речь, ведь у меня никогда в жизни не было ни единого родственника по крови – отец как-то обмолвился, что воспитывался в детском доме, а мать лишь однажды проронила фразу, что ее родных забрала война. Разговоров о тетях, дядях и братьях с сестрами у нас никогда не было – ведь невозможно разговаривать о несуществующих людях. Видимо, начальница что-то напутала либо кто-то посторонний выдал себя за родственника нашей семьи, чтоб получить бесплатное бесхозное жилье. Да и неважно это.

Молча опускаю глаза. Что тут скажешь? От моей малышки давным-давно остался один только скелет, что толку беречь МОИ раны? Вряд ли мне станет легче, если я озвучу страшный грех своих родителей, которых и в живых-то уже нет. Мое признание никого не воскресит – ни матушку с отцом, ни ребенка, который мог бы отвести от нашей семьи так много трагедий.

Я не смотрю на начальницу, но отчетливо чувствую на себе ее сверлящий взгляд:

– Полагаю, вы не собираетесь со мной откровенничать? Что ж, в таком случае и мне нет дела до тех событий, которые, судя по всему, произошли много лет назад. Да и, как я понимаю, виновники сами себе подписали приговор и привели его в исполнение, так что не будем тревожить ничьи останки. Вы можете идти.

Как только все будет готово, перед вами откроются все наши затворы. Вряд ли мы уже свидимся. Удачи вам, Кира. Берегите себя и заново учитесь разговаривать, подобная прихоть едва не стоила вам жизни свободного человека. Можете идти.

Я протягиваю начальнице отцовское письмо.

– Мне это не нужно, у меня имеется копия. Возможно, эти строки когда-нибудь помогут вам простить и отпустить.

На лице женщины некое подобие улыбки, думаю, она решила поиграть в благородство, которым в этом поступке и не пахло. Хранить у себя письмо, которое изо дня в день будет напоминать мне о том, какими монстрами были мои родители, не самый лучший совет, но я все же прячу его в карман. Просто чтоб однажды разорвать в клочья и развеять по ветру, или сжечь, или съесть, но точно не для того, чтобы простить.

Без лишней волокиты уже через день я официально была признана невиновной и под недоумевающие взгляды «сторожевых» выпущена на свободу. Начальница оказалась права – государство в самом деле не горит желанием кормить лишний рот, но знать о том, что не таким уж «лишним» был мой рот, она никак не могла, а я не собиралась ей об этом сообщать.

Кира Медведь

Ноябрь 1998

Вот она – свобода. Хотя кому она нужна? Середина прекрасного ноября, на удивление теплого. Я покидаю границы обнесенного стеной из серого камня тюремного двора по присыпанной робким снегом дорожке, а в душе нет и капли радости, лишь полная растерянность. Что дальше? В каком направлении двигаться? Как жить и жить ли вообще? Как возвратиться в этот мир, если он тебе не нужен? Да и нужна ли ему я, тоже вопрос.

Вдыхая полной грудью свежий прохладный воздух, единственное, чего мне не доставало за решеткой, двигаюсь в безразлично выбранном направлении вправо. Шаг, два, три, четыре... – привычно считаю собственные шаги, два года способны внести в жизнь новые привычки.

Воздух... Каким же он может быть сладким и живым, это понять способен лишь человек, который провел в заточении не один месяц, не один год. Растопырываю ноздри так же широко, как ищейка, напавшая на след дичи, и дышу, дышу, дышу...

Дождя нет, как и снега, но лица, запрокинутого к небесам, касаются остатки утреннего тумана. Кутаюсь в захудалое пальтишко болотного цвета, в котором два года назад прибыла на территорию женской колонии «Касатка», и бреду дальше. Куда? Да все равно, просто переставляю ноги, и все.

Редкие пешеходы заставляют насторожиться, я отвыкла от людей, и мне тяжело сдерживать себя, чтоб откровенно не шархаться в сторону. Куда торопятся эти унылые и скукоженные серые тени, я могу только догадываться – свидание с дочерью, подругой, матерью или, быть может, просто на рабочую смену? Место, из которого меня освободили, находится за чертой города, и причин для путешествия в эту сторону у обывателей просто не может быть.

Покрепче прижав к сердцу свои скромные пожитки, уместившиеся в старенький рюкзак студенческих лет, уверенно иду дальше, жаль, не знаю куда.

Тюремная стена, мой ориентир, моя крепость, быстро заканчивается. Но в дымке ноябрьского утра меня одиноко ожидает автобусная остановка.

Дорога всего двух полос, по обе ее стороны обнаженные поля, а за ними лес, а за лесом... Кто знает, что скрывается за верхушками деревьев. И важно ли это? Наверное, с деревьями можно сравнить жизнь каждого из нас. Мы для незнакомых людей, по сути, лишь верхушки деревьев. Шрамы, царапины, увечья, степень огрубелости коры и, самое главное, – корни, вот что первостепенно, но на что никто не обращает внимания. Все всегда видят только «верхушки», и мало кого волнуют рубцы, а уж тем более – корни. Но это совсем другая история.

Скамейка холодная и сырая, но выбора у меня все равно нет. Дождаться неизвестно сколько минут или часов автобуса в роли вкопанного в землю столба

– не хочется. Хочется забиться в угол и ждать транспорт в направлении «никуда» невидимкой.

Зябко.

Платков и шапок не имею. Покрываю рыжий ежик волос майкой, одной из имевшихся в рюкзаке, прямо как в старые добрые времена. Сильнее прижимаю к себе имущество и смиренно жду.

Откуда ни возьмись, в небе начинает светить, а главное, греть солнце. Утренняя серость и сырость понемногу рассеиваются. Голые поля кое-где вдруг начинают переливаться волшебными искрами, видно, в тех местах, где уже успел собраться первый снег либо не успел растаять иней. Верхушки деревьев вдруг превращаются в разноцветную палитру, смешивая красные, желтые, коричневые, зеленые и бурые остатки листьев. Только теперь я поднимаю глаза и замечаю, что небо все такое же голубое, как и два года назад, до того как, казалось, навсегда стало свинцовым. Пожалуй, в этом мире ничто, кроме меня, не изменилось.

Опьяненная безлимитным свежим воздухом и утомленная двумя последними бессонными ночами, невольно прикрываю глаза и то ли во сне, то ли в полубреду переносюсь в прошлое. В очень далекое прошлое.

Лето 1976 года

– Кира! Что с тобой произошло?! – На лице мамы ужас.

– Ничего. Мы просто с Сережей, Сашей и Костей играли... – виновато опускаю глаза и прячу содранные до крови ладошки в накладных карманах уничтоженного платья.

Мама в два шага оказывается возле меня.

– Это, по-твоему, «играли» называется? – Она хватается мое платье за подол и задирает его так, что б я могла видеть разных размеров дыры и грязь.

– Да. Просто Сережа делал самокат, а Костя сказал, что если я помогу найти на свалке подшипники...

– Что, прости? – Мама выпучила глаза, а из ее ноздрей, казалось, вот-вот пойдет пар. – Ты была на свалке? Кира, ты хоть понимаешь, что скажут люди? Ты осознаешь, что твоя мать директор школы, а отец не последний человек в нашем поселке? Ты хочешь, чтоб люди начали судачить о том, что наша дочь по помойкам шастает?

Я ровным счетом ничего не понимаю – чего это мама так злится, ведь не я одна «шастала».

– И откуда ты вообще знаешь, что такое «подшипники», скажи на милость?

– А я и не знала, но мне Костя объяснил. Это такое колечко, с шариками внутри. Но я их так и не нашла. Зато Сережа сказал, что у его папы должны быть, и не ошибся. Они сделали этот самый самокат, доски для него Сашка со свалки принес, и мы все на нем по очереди катались. – Я начинаю сиять от счастья и гордости, а мама все больше чернеет. – Мне разрешили прокатиться первой, и я, с непривычки, заехала в канаву у фермы. А потом выяснилось, что мальчики забыли приделать тормоза.

– Где? – Взгляд мамы метал молнии, а лицо покрылось красными пятнами. – Какая ферма? Какие коровники, Кира?! Только не говори, что ты выкупалась в коровьих испражнениях? Хотя к чему слова, я чувствую, что так оно и есть.

Брезгливо мама хватает меня за растрепанный рыжий хвост и тащит в сторону ванной.

– Жди меня здесь, я пойду, переоденусь. Не очень-то хочется, чтобы один из моих лучших костюмов впитал в себя этот смрад. Хотя знаешь, можешь начинать раздеваться, а я сразу сожгу эти тряпки... – Белоснежная мамина седина стала еще белее, когда она застыла в дверном проеме. – А что с твоими сандалиями?

Я удивленно смотрю на свои косолапые пухлые ножки.

– А что с ними? – по-моему, они не особо пострадали.

– Кира, ты в какие игры со мной играть вздумала? Ты понимаешь, что у меня на все это нет времени! Почему на правой ноге у тебя белая сандалия, а на левой – коричневая?

Я горделиво задираю нос и улыбаюсь:

– Ах, это... Просто Сережа мне рассказал, что если носить целую неделю обувь разного цвета, то ко мне прилетит волшебник и исполнит все мои желания. Он сказал, что волшебники именно благодаря этому замечают детей, у которых много желаний.

Такой гордой и умной, как в эти минуты, я не чувствовала себя никогда.

– Да за что мне все это?! – вскидывая вверх руки, прокричала мама и исчезла...

Из пучины полусна меня вырывает промчавшийся на огромной скорости мимо неопознанный автомобиль, но это не спасает от нахлынувших воспоминаний. Вглядываясь в бескрайний горизонт, я не спешу покидать семьдесят шестой год. Пятилетнюю себя я помню лишь моментами, видимо, самыми важными для подсознания и сердца.

Вся перемазанная зеленкой, уже на следующий день я была передана из рук в руки няне.

Соседская бабулька, которая никогда не была замужем, не слышала в свой адрес теплого «мама» и тем более «бабушка», всегда соглашалась присмотреть за мной. Я любила Прокоповну, а она души не чаяла во мне. Родители доверяли меня ее внимательному взору и заботливому сердцу пять дней в неделю, а иногда и все семь, когда работы было больше обычного. Прокоповна любила меня всем сердцем, часто баловала разного рода вкусностями, даже шила платья, юбки и банты. Кукольная старушка с добрыми глазами цвета неба не скупилась на объятия и поцелуи, на небылицы и сказки. Именно Прокоповна учила меня быть хорошим человеком с большой буквы, и именно она объясняла, какую важную роль в жизни каждого играют любовь и дружба, а еще – как важно любить себя.

– Прокоповна, только я вас очень прошу – за Кирой глаз да глаз. Не дай бог ей снова с этими оболтусами повстречаться. Они издеваются над ней, а наша дурочка и рада. Да, и как можно меньше сказок о том, что добро всегда побеждает зло, что нужно всех и все любить, прощать, понимать, принимать и так далее. Нам-то с вами хорошо известно, что эти качества в жизни не особо пригодятся, если не планируешь стать ковриком у двери, о который все желающие вытирают ноги. Кира у нас и без того слишком нежный и доверчивый ребенок, а этому миру нужны другие качества.

– Хорошо, милая, не волнуйся, я за всем прослежу и дурному учить не стану.

Я доедаю молочную кашу, когда мама посылает мне воздушный поцелуй и, разодетая по последней моде, с идеальным, как всегда, каре, исчезает за дверь, оставляя после себя лишь нежный цветочный аромат.

– А о чем это тебе мама говорила? Кто такие «оболтусы» и кто эта «наша дурочка»? – Я погружаю ложку в остатки каши и внимательно слежу за Прокоповной, ожидая ответа.

Бабушка с миллионом морщин на добродушном лице и собранным в пучок инеем волос садится на соседний стул.

– Золотце мое, не бери в голову. – Прокоповна аккуратно заправляет выбившуюся из моего лисьего хвоста прядь за ухо. – Мама твоя хоть и взрослая, хоть и с седой головушкой, но так и не разобралась в жизненных ценностях. Так бывает, когда всю жизнь стремишься к придуманному идеалу, растрачиваешь себя на призрачные цели и из кожи вон лезешь, чтоб быть лучше других, чтоб тобой восхищались и восторгались, чтоб тебя ценили и уважали другие. А в мире ведь не все идеально, и жить нужно в первую очередь с любовью в сердце и для себя, а не ради соседской похвалы. Вот люди и теряют веру в добро, когда вместо восхищения получают зависть, а вместо помощи палки в колеса. Когда судьба раз за разом ставит на колени, а помощи ждать не от кого, ты начинаешь верить, что жизнь слишком суровая тетка, а многие из людей не имеют души. Но это не так. В ней всего в избытке. Да и люди встречаются разные. Главное, чтоб ты была хорошим человеком и шла по жизни с любовью и добром в сердце, стремилась к лучшему ради себя, а не ради кого-то. Хорошие люди ведь как магниты – всегда притягивают себе подобных, а те, кто имеют черноту внутри, просто отваливаются.

– А как это – стремиться к лучшему? Что значит «отваливаются»? Они что, падают? А я хороший человек? – Мне больше не хотелось каши, мне хотелось получить ответы.

Я отодвинула миску и, облокотившись на стол, с широко раскрытыми глазами и оттопыренными ушами, приготовилась впитывать каждое слово.

Прокоповна ласково улыбнулась, и все ее морщинки заиграли особенную мелодию тепла и добра:

– А это так – помогать ближнему и нуждающемуся, не хранить в сердце злобы какой или обиды, не бояться открывать сердце и дарить добро, верить в людей, в любовь и силу прощения. Ведь если б люди не копили ненависть, то и войн и революций не было бы. А «отваливаются» – это не «падают», а отстают от тебя, поняв, что ты не тот человек, который способен разделить их взгляды. Кто бы что ни говорил, в том числе и твоя милая матушка, добро побеждает всегда. С доброй душой легче идти по жизни, нежели год за годом, десятилетие за десятилетием тащить тяжесть черноты в сердце. Вот подрастешь маленько, сама во всем разберешься и поймешь. А пока скажу тебе вот что – ты прекрасный человек и чудный ребенок, Кирочка. Ведмежонок мой добродушный. Разве зацелованное солнцем дитя может быть плохим человеком?

Прокоповна склонилась и чмокнула меня в нос.

– А как это – «зацелованное солнцем»?

– А это когда солнышко тебя очень сильно любит и с самого первого дня твоего рождения целует и целует. Веснушки ведь – это солнечные поцелуи, а у тебя их вон сколько! Да и цвет волос огненный, цвет самых великолепных закатов и рассветов. А тепла в твою крохотную душу сколько уместилось... Кирочка, милая моя, запомни, прошу: что бы ни происходило и ни случилось в жизни, в какую бы сторону ни начинал дуть ветер перемен, сколько бы сложностей ни несла в себе жизнь (а так бывает) – оставайся теплым и солнечным человеком. Не позволяй ничьей ненависти и злобе погасить в тебе солнце. Ослепляй им недоброжелателей. Сжигай зависть. Не принимай близко к сердцу чужую глупость, и тогда тебе удастся в жизни все.

– И тогда я буду такой же хорошей и доброй, как ты?

– Да, милая. Да.

Прокоповна улыбалась, а глаза ее были такими печальными, какими никогда до этого момента не были. Столько мудрости было в ее словах, и одному Богу известно, какой ценой эта мудрость ей досталась.

Память – ненадежная штука. Полностью полагаться на то, что больше двадцати лет назад все именно так и было – нельзя, но мои воспоминания – не инструкция по запуску ядерной боеголовки, и некоторые погрешности вполне допустимы. Не так важно, ела ли я в то утро молочную кашу, и посылала ли мне мама воздушный поцелуй, и целовала ли Прокоповна мой веснушчатый нос, важна суть – меня воспитывали в противоречиях. Я впитывала в себя истину о добре и любви, которую исповедовала няня, но и мамины наставления о царящей повсюду ненависти и предательстве тоже не проходили мимо. Все копилось. Все откладывалось. Каждое видение мира в конечном итоге оказалось верным. Каждое посеянное в мою чистую детскую душу зернышко спустя годы дало урожай.

Весна 1977 года

– Кира, а правда, что твоя мама купила для школьных кружков фотоаппарат самой последней модели и телескоп, чтоб на звезды смотреть?

– Правда, – честно отвечаю, широко улыбаясь моим трем товарищам – Сашке, Косте, Сереже, которые редко проходят мимо моего двора, не вовлекая меня в очередное приключение.

Болоньевые куртки в клетку – коричневого, зеленого и синего цветов, висят на каждом из мальчишек, будто на огородных пугалах – кому-то, наверно, вещица досталась от старшего брата, а кому-то, может быть, от сестры. У круглолицего и светловолосого Сережи под носом присохшие намертво сопли, у Сашки-«оглобли» разбита нижняя губа, а Костя где-то потерял два зуба. На ногах у мальчишек резиновые сапоги с таким слоем грязи, что со стороны может показаться, будто они обуты в сапоги из влажного чернозема. Но на то на дворе и конец марта.

Мои ноги наряжены в сочные красные резиновые сапожки, а куртка розового цвета в крупную клубничку. На голове алый берет, из-под которого на плечи падают два курчавых рыжих хвоста, перевязанные малиновыми лентами. Я заметно выделяюсь на фоне мальчишек, и не только этой троицы, а практически всех детей нашего поселка, большинство из которых носят преимущественно вещи черно-коричневых тонов.

– Конечно, мамка с папкой какую хош тряпку достать могут по заниженной цене, а в магазине нашем такого добра не сыскать.

– И не только тряпку. Моя Леночка и мечтать о таких куклах не может, как у этой раскормленной и избалованной председательской дочки.

– Да уж, моя Марина тоже вечно рыдает и клянчит красивые наряды, мол, «у Киры есть, почему у меня не может быть?».

– Из глотки у этих Медведей уже прет, а все никак уняться не могут – постыдились бы!

Подобные диалоги стандартны для нашего поселка, и в силу своего возраста я не понимаю, почему люди с такой злостью отзываются о моей семье и обо мне, ведь я не была жадиной и всегда охотно делилась игрушками и лакомствами со всеми.

Вот и сегодня.

– А ты можешь показать нам их, а то ведь мы для таких кружков по возрасту не годимся, а так хочется хоть в руках подержать такую диковинку, – без стеснения улыбаясь беззубым ртом, говорит Костя, а Сережа ловко растирает локтем то, что скопилось под носом.

– Не могу, – опустив глаза в землю, виновато шепчу в ответ. – Мама строго-настрого запретила прикасаться к вещам, которые числятся школьными. После того случая с глобусами.

– Да брось ты! Сама знаешь, какие удобные гнезда для наших несушек получились из самого большого. Знаешь, как куры за них убиваются? А средний

мы просто разукрасили. Кто сказал, что наша Земля имеет такие же цвета, как было нарисовано? Согласись, черно-белое намного понятнее: черное – земная часть, белое – водоемы всякие. А маленьким мы до сих пор метко сбиваем с любого дерева все что угодно. И что ж в этом плохого? Мы ведь не выбросили твои глобусы и не уничтожили, а просто придумали, как их использовать в других целях. Полет фантазии, творческий подход, – разве не этому учат в школе на уроках труда и рисования? Так и скажи, что ты просто жадиноговадина!

– Да-а-а! – подхватили Саша и Сержа. – Жадиноговадина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест!

– Я не жадиноговадина!

– Жадиноговадина, жадиноговадина, – ехидно улыбаясь, шепчет Костя, а я от обиды готова разреветься. – Ребят, пойдем отсюда. Нечего нам с такими жадиноговадинами даже стоять рядом.

Костя сует руки в карманы и, гордо вздернув нос, шагает прочь, а Сашка и Сережа шагают за ним.

– Пойдите! Я сейчас все принесу. Мама поймет. Вы ведь просто хотите посмотреть.

Я пулей несусь в дом, а когда возвращаюсь с фотоаппаратом на шее, сжимая в охапке тяжелый телескоп, обнаруживаю ребят сидящими на скамейке у дома.

– Вот, смотрите, – протягиваю безумно дорогие вещи своим товарищам, а сама сияю от восторга, что не жадиноговадина и что у меня есть такие друзья. – Только недолго. Прокоповна в доме, может выйти в любую минуту, получим же мы все...

– Ну, тогда мы пойдем куда-нибудь и спокойно хорошенько все рассмотрим, а то ведь за минуту не понять – что да как. – Костя крутит в руках фотоаппарат, а Сережа с Сашей принялись исследовать телескоп. – Мы ненадолго. Честно.

– А можно с вами?

– Нет, конечно. Вдруг твоя Прокоповна начнет тебя разыскивать? Будь дома, а мы совсем скоро все вернем. Честно.

– Хорошо. Я буду вас здесь ждать и, если что, так и скажу Прокоповне, что вы совсем скоро все вернете. А если поспешите, то никто ведь и не узнает, что я вообще брала эти вещи.

– Да-да, так и скажи.

Схватив трофеи, парни тут же умчались от моего двора, а я уселась на прохладную скамейку и преданно стала их дожидаться.

Первые минут десять я беззаботно болтала ногами и разглядывала свои сапоги. Затем отыскала на земле веточку и стала рисовать на мокрой, податливой земле всякие каракули. Спустя где-то полчаса я тревожно стала выглядывать в разные стороны дороги, пытаюсь отыскать взглядом своих друзей, но безуспешно. В конце концов я дождалась Прокоповну, а ребята пропали, казалось, навсегда.

– Ведмежонок, что нос повесила? – Добрая старушка присаживается рядом и гладит меня по спине.

Прокоповна всегда учила меня быть честной, что бы ни случилось и ни произошло, она настаивала на том, чтоб я говорила правду – «честному человеку легче жить». Я выложила все как на духу.

– Милая моя, то, что ты щедрый и великодушный ребенок, ни для кого не секрет, но нужно и меру знать. – Прокоповна вглядывалась в мое лицо и улыбалась. – Ты хоть представляешь, как твоя матушка огорчится?

– Огорчится... – шепчу я, уставившись в землю. – Но ведь мальчики дразнили меня жадиной! А мне ведь не жалко для них ничего. Со мной и так никто дружить не хочет, а если я еще и жадиной буду...

– Кирочка, девочка моя, со своими игрушками ты вправе обращаться как угодно, но родительские вещи брать нельзя. Тем более фотоаппарат и телескоп, которые не их, а школьное имущество. Даже если ты вынесешь все родительское добро, дразнить тебя они не перестанут. Такие уж вы, дети.

Просто не обращай на дразнил внимания. А то, что дружить не хотят, разве в этом твоя беда? Ты замечательный, добрый, щедрый ребенок, да за дружбу с тобой драться должны, а ты ее на игрушки выменять хочешь. Так быть не должно.

– Но меня все дразнят толстой и жирной и, только когда игрушки у меня новые появляются, начинают со мной общаться... А мне ведь одной скучно... – Я почти плачу, голубые радужки утопают в прозрачной влаге, а подбородок предательски дрожит.

Рука няни легонько касается моих рыжих хвостов.

– Ведмежонок, ты еще совсем юное дитя, но должна кое-что знать о жизни уже сейчас. – Голос Прокоповны звучит серьезно, но в то же время добро. – Есть злые и завистливые дети, жестокие, бессердечные, и даже когда они вырастают, то не меняются, такими уж уродились. Ты у своих родителей получилась прелестной и добродушной, такой и оставайся и дорожи этим. Пусть тебя дразнят, пусть не дружат, пусть другие делают все что угодно, Бог им судья. Ты прощай, улыбайся в ответ и никогда не опускайся до уровня обидчиков и завистников. Даже не слушай никого, а уверенно иди по жизни, зная, что ты самая красивая, милая, добрая и счастливая. Жизнь, она расставит все по местам, но ты должна ей помочь – не опускать собственной планки до чужих оценок и надежд, а люби себя такой, какая ты есть. Самое важное в этом мире – найти свое в нем место, свое счастье, а не плясать под чужую дудку. Так что, милая, не пытайся купить дружбу, а находи свое счастье в себе самой.

Естественно, понимаю я далеко не все, но в маленький еще не засоренный мозг навсегда впиваются слова, что я должна принять и полюбить себя такой, какая уж уродилась. Это и стало моим девизом на долгие годы.

– А что со мной мама сделает, если ребята не вернут школьные вещи?

– Что тут уже сделаешь? – Прокоповна пожимает плечами. – Дождемся вечера, авось твои дружки образумятся и все вернут. А там посмотрим, как нам выйти сухими из воды. А пока пойдем в дом, уж обед давно остыл.

Без особой надежды я еще раз взглянула по сторонам, но, кроме трех старушек, неспешно шагающих в неизвестном направлении, никого не увидела.

Расстроенная, но в душевном возбуждении от того, что я красивая и хорошая, я и потопала в дом.

Буквально за несколько мгновений до прихода с работы мамы, Костя, Сережа и Сашка вернули фотоаппарат и телескоп, молча кинули их во дворе и убежали. Разбираться в том, возможна ли их эксплуатация после многочасового пребывания в руках малолетних хулиганов, времени не было, да и Прокоповна ничего в этом не смыслила, а я тем более. На вид все было в порядке.

– В этот раз Бог миловал, – облегченно выдохнула Прокоповна, и мне стало легче. – Но впредь чтоб ничего родительского не брала. Договорились?

Еще бы мы не договорились! Прокоповна уберегла мою мелкую душонку от маминых «уроков мудрости». Вот не знаю, почему так, но няню свою я всегда слушала с открытым ртом и каждое ее слово впитывала, как самая благодарная почва весенний дождь, а маму... Маму я слушала, но ее «мудрости» заметно отличались. Мама всегда и обо всем говорила резко и строго, по-директорски. Не было в ее словах ни добра, ни участия, ни душевности, она без раздумий погружала в мой неокрепший мозг суровую реальность:

«Кира, запомни, в этой жизни никто тебе ничего не подарит и не даст, так что вместо того, чтоб в куклы играть, лучше бы уже сейчас задумалась над тем, как будешь строить свою жизнь».

«Кира, нюни, сопли, телячьи нежности и наивность – недопустимые черты характера, если ты хочешь стать кем-то. Только трезвый рассудок и холодное сердце позволят тебе воплотить цели и планы в реальность, стать личностью».

«Кира, тебе не стоит общаться с этими мальчишками, да и девочками тоже. Дружба – это лишнее. Заводить друзей – значит осознанно приобретать самых сильных и беспощадных врагов, а таковых, поверь, и без «друзей» в жизни будет в избытке».

«Кира, всегда и во всем стремись к идеалу, безупречности. Прежде чем что-либо сделать или как-либо поступить, тысячу раз обдумай все «за» и «против». Никогда ни у кого не иди на поводу, будь личностью уже сейчас. У тебя на все должно быть свое мнение, свои оценки, свое видение. Серой овцой быть удобно, но среди них слишком мало счастливых и самодостаточных».

«Глупые люди говорят, что в этой жизни нужно быть гибким, чтоб тебя не сломали. Но я скажу так – попробуйте сломать кусок стали?»...

И так далее. Подобные нотации вкладывались в мои уши с рождения: я должна была быть лучше и умнее всех; не должна была совершать ошибки, чтобы с легкостью указывать на ошибки другим; первостепенным органом в моем организме считался мозг, все остальное просто бесполезные потроха. Я должна была усвоить, что жизнь жестокая, сложная и несправедливая и поэтому идти по ней нужно, сцепив зубы и отключив эмоции. Как мой детский мозг не взорвался от подобных потоков информации, до сих пор загадка для меня.

Кира Медведь

Ноябрь 1998

В давно отживших свой век ботинках ноги быстро начинают мерзнуть, а транспорта все нет и нет. Меня так торопливо выпроводили за тюремные ворота, что я даже не сообразила поинтересоваться о расписании и маршрутах проезжающих в этом районе автобусов, но что уж теперь сожалеть. Ситуация требует каких-то действий, ежели собственная внушительная жировая прослойка не способна согреть.

Оставляю в покое рюкзак и свое прошлое и начинаю измерять остановку шагами в надежде хоть немного согреться.

– Не помешаю?

Женский голос звучит так неожиданно, что я едва удерживаю равновесие. Отрываю зачарованный взгляд от неба и, схватившись за рюкзак, снова забиваюсь в угол.

Как затравленный долгой погоней зверек, бросаю на появившуюся женщину осторожные взгляды, а все остальное время рассматриваю собственную обувь. Я отвыкла от какого бы то ни было обращения ко мне, кроме: «Немая, на выход», «Немая, обед», «Немая, гулять». Молчу.

– Ну, будем считать, что молчание – знак согласия. – Женщина уверенно размещает свой, не менее объемный, нежели у меня, зад рядом. В нос ударяет стойкий запах дешевого табака и кухни, то есть затхлых помоев. – Даже не знаю, стоит ли спрашивать насчет курева – не против? А, плевать. Это ведь общественное место, а не твой дом, так что кто ты такая, чтоб мне указывать?

За два года тюремного заключения я так и не пристрастилась к сигаретам, хотя изредка, пытаюсь себя хоть чем-то отвлечь, не отказывала себе в никотиновой медитации. Но это не мое. Организм не просит еще и не требует добавки, а пассивное курение и вовсе вызывает неприятные внутренние ощущения. Вот и сейчас мне хочется заткнуть чем-нибудь нос, только жаль такой желанный свежий воздух, что проникает в мои легкие с клубами табачного яда.

– Что молчишь-то? Язык кто оттяпал? – Тупой смешок, обычный для заядлого курильщика кашель, и снова сказочный монолог: – Ну и ладно. Мы люди не гордые. От меня не убудет. Только мой тебе совет, голубушка, коль на волю выбралась – по ее законам и жить приспособляйся. Тяжело придется, ежели себя выше других будешь ставить.

Так и хочется спросить – откуда такая прозорливость? Но желания раскрыть рот не возникло.

Аккуратно кошусь на развязную собеседницу и не нахожу в ней ничего особенного, самая обычная тетка – толстая, вонючая хамка. Такие обычно без мыла куда хочешь влезут – хоть в душу, хоть в преисподнюю. Ей не больше сорока, но что такое косметика, душ и гигиена в целом, она скорее всего не знает. Стеганая куртка цвета мокрого асфальта едва на ней сходится, а заляпанные грязью ботинки не лучше моих. Но, в отличие от меня, на голове у «дамы» имеется шапка, обычная вязаная черная шапка. Может, не только меня сегодня отправили на волю?

– Не хош разговаривать, не надо. А я люблю поболтать. Всегда легче на душе делается, когда выговоришься. – В голове мелькает вопрос «А я тут при чем?», и будто по волшебству я тут же получаю ответ: – Хорошо, когда есть с кем поделиться. А если нет, то и дереву выговориться можно, небу, собаке, кошке, даже крысы слушать умеют.

Противный смешок, и клуб дыма практически мне в лицо.

– Seriously говорю. Знаш, сколько за теми серыми стенами этих уродливых тварей? М-м-м, точно больше заключенных.

Ясно. Она тоже появилась здесь, покинув пределы «Касатки».

– А если б они умели говорить... – женщина усмехнулась, – половина персонала враз в клетке оказались бы, такого иногда спьяну наболтаешь, так душу наизнанку вывернешь... На какое-то время даже грызуны исчезают, и яду никакого не надо. Вот так-то.

Судя по всему, мою «собеседницу» абсолютно не смущало мое молчание, а треп просто был в радость, и она без умолку болтала и болтала, не требуя ничего взамен.

– Знаш, как моя прабабка говорила: «Держать внутри дерьмо негоже. Если скопилось – выплесни наружу, а то захлебнешься». А оно-то ведь так и есть. Даже уборные в деревнях время от времени чистят, а чем наше нутро хуже?

Тетка ловким движением избавляется от окурка и начинает копошиться в своей сумочке. Сумочка – единственная приличная вещь в ее гардеробе. Черненькая, блестящая, с двумя ручками, в которую точно не войдет три кило картошки, но пару книг спокойно. Хотя было бы странно, если б эта женщина вытащила на свет божий томик какого-нибудь романа.

В руках женщины появляется целлофановый пакет, и я сначала чувствую кислый запах умершей в прошлом веке еды, а затем вижу носителя этого аромата. Огрубелые пальцы с килограммами грязи под ногтями сжимают чью-то ножку, возможно, на ней когда-то бегала курица, а быть может – утка. В другой руке появляется кусок черного хлеба.

– Хош? – Женщина почти приветливо улыбается и протягивает мне свои лакомства. Едва взглянув на нее, затем на предложенное, я опускаю глаза и все так же молчу, но нос прикрыть не решаюсь. – Ну и зря. Автобус ведь не раньше чем через час, а то и через два явится, а голодный желудок только холод и притягивает.

Тетка с аппетитом принимается поглощать скисшие продукты, но, похоже, ее этот факт не смущает. Я едва успела порадоваться, что хоть на какое-то время ее рот будет занят чем-то, кроме бесполезного трепа, и она перестанет насиловать мой привыкший к покою мозг, но не тут-то было. Вместо клубов дыма, вперемешку со словами, из ее рта теперь вылетали кусочки пищи. Отвратительное зрелище и звуки – чавканье, плямканье, шмыганье носом и бесконечный поток слов.

– Так о чем это я? Ах да, язык ведь нам для чего Господь дал? Думаешь, только чтоб то, что в рот кладем переминать? Ну и дура, значит. Только без обид. Я человек простой, что на уме, то и на языке, а коль судьба свела нас в этот час, то это не просто так. Значит, быть так должно. А почему должно? А кто ж его знает! Только не случайно в наших жизнях многое. Коль ты молчать вздумала, я перед тобой, как перед бабушкой, покаюсь во всем. Кто его знает, когда случай подвернется в церковь сходить?

Мне хотелось убежать, не дожидаясь автобуса, спрятаться от навязанного общества и противного общения, но... Почему-то я продолжаю сидеть на скамье, будто меня приклеил кто. Возможно, дело в том, что очень-очень глубоко внутри мне хочется услышать историю жизни этой бесцеремонной дамы, чтоб доказать себе, что у других и хуже бывает. Хотя вряд ли это возможно.

– Вот что ты делала в «Касатке»? – Женщина нервно стряхивает с себя крошки и вытирает подбородок, по которому стекает сок протухшей птицы, грязной ладонью. – Можешь не отвечать, мне-то какое дело. А я вот расскажу, мне скрывать нечего. Работаю я там уже добрый десяток годков, а до этого десяток сидела. А до этого мне было семнадцать и вагон возможностей – хош за тракториста Макара замуж, хош за конюха Игната, хош дояркой, хош свинаркой. Деревенская я, да все детство мечтала о городской жизни. Чтоб квартира своя, а не двор, загаженный дерьмом, да гектары земли, да бесконечный труд. Ленивой я была... – Сколько ностальгии и тоски в голосе прозвучало, а на губах едва заметная улыбка мелькнула. – Мама с утра до ночи знай одно твердила: «Работай, работай, работай, работай... А то кому ты нужна будешь, неумеха с задом размером с райцентр». А она, судьба-то, по-другому распорядилась.

В этот момент руки женщины опустились и расслабились до такой степени, что мне показалось, будто наполовину обглоданная ножка и сухарь вот-вот окажутся на земле. Но этого не случилось, а случилось то, что глаза женщины начали сиять, а губы посетила самая теплая улыбка, которая только может быть.

Сама я давно так не улыбалась. Кажется, вообще никогда.

– Мне шестнадцатый год шел, когда к нам в деревню пожаловала бригада строителей. Молодые парни и мужчины из разных уголков страны были направлены к нам для расширения нашего коллективного хозяйства. По государственному плану они должны были за год построить несколько десятков домов для молодых семей, готовых проживать и трудиться на благо родине в нашей деревеньке. В общем, в одного из них я влюбилась без памяти. Ему было двадцать пять, и мои родители не одобряли мой выбор, а мне было плевать. Красавец с копной каштановых волос, богатырь, знавший миллион шуток и прибауток, трудяга, равнодушный к алкоголю. Как можно в такого не влюбиться? Едва мне исполнилось шестнадцать, мы поженились и уехали строить жизнь к нему, в большой город. Как же мне нравилась та жизнь!

И тут тетка будто опомнилась и снова принялась за свой обед или завтрак.

– Я выучилась на повара, а он продолжал мотаться по стране – куда пошлют, воздвигая десятки домов. Правда, теперь его командировки длились не дольше трех месяцев. У нас была идеальная жизнь. Жизнь, о которой можно только мечтать. И с его родней мне повезло, несмотря на то, что его отец был архитектором, мать простой домохозяйкой, а прежде штукатуром. Отец настаивал на том, что сын должен знать все нюансы строительства изнутри, ведь вся надежда на продолжение династии архитекторов была на него. Но был у них еще и младшенький – лодырь, которых поискать и который даже не пытался стать кем-то в этой жизни. Учился кое-как в университете, в который его отец пристроил, и дальше завтрашнего дня планов у него никогда не было. По большому счету я тоже никогда не рвалась пахать сверх нормы, но одно дело в деревне дерьмо за скотиной прибираться, а другое – в кабинете сидеть, при галстукке.

Женщина замолчала, пусть и ненадолго. Бросив в урну голую кость, хлебный огрызок она бережно завернула в кулек и отправила в сумочку, а потом продолжила:

– Дело вот в чем, дорогуша. Когда мне было восемнадцать, я забеременела. Это было самым большим счастьем на земле. Родила здоровую красивую девочку. К тому времени родители моего мужа оставили сыновьям квартиру и отправились коротать свои пенсионные дни в дачный поселок, им уже не нужен был ни город, ни молодежь, им хотелось спокойной старости. Но квартира одна, пусть и

четырёхкомнатная, а сыновей двое. И я еще с дитем. Это и сыграло с нами самую жестокую шутку, которую только могла придумать природа.

Улыбки больше не было, а глаза потухли, как церковные свечи после службы. Женщина снова заняла рот, и в этот раз сигаретой.

– Уж не знаю, что не давало покоя нашей полугодовалой крошке всю ночь, но что бы мы ни делали, она не замолкала дольше чем на минуту. Под утро явился в дом пьяный в стельку братец и со словами: «Если вы ее не заткнете, это сделаю я, причем раз и навсегда» – ушел восвояси. Но разве я или мой супруг могли подумать, что спустя каких-то полчаса этот монстр выскочит из своей комнаты и, выхватив из моих рук малышку, вышвырнет ее в окно? Знаешь, я по сей день задаюсь вопросами – почему мы тогда не вызвали машину «скорой помощи», если сами не могли разобраться, что с нашей доченькой? Почему в ту ночь у нас не хватило мозгов к приходу неадекватного братца быть в больнице, а не дома? Зачем мы самостоятельно пытались разобраться с проблемой, успокоить наше дите?.. Если б мы еще с вечера уехали в больницу, не случилось бы никакой трагедии. Но...

До этого момента я слушала свою собеседницу вполуха, но теперь...

– Дальше все происходило как в страшном сне и на рефлексах. Без единого слова мы с мужем помчали вниз, будто бешеные псы. Не знаю, на что мы надеялись. Восьмой этаж не оставил нашей малютке шансов. Она больше не кричала и не плакала, а безмолвно утопала в луже собственной крови. Схватив свою девочку, я крепко прижимала ее к груди и во всю глотку кричала мужу, чтоб бежал вызывал «скорую». Я сидела на коленях, прижимая бездыханное тело дочки, и молила Бога о чуде. Даже искренне верила, что оно возможно, несмотря на то, что крови было на асфальте столько, сколько не с каждого взрослого наберется. Время от времени я кричала не своим голосом, но старалась сдерживаться, чтоб не травмировать ребенка. Смешно. Я ж говорю, все на рефлексах. Спустя какое-то время, до сих пор не знаю – час прошел или миг, рядом с нами на асфальт приземлился мой муж. Безжизненно подняв голову вверх, я успела заметить его братца, выглядывающего с нашего балкона, но уже через секунду он исчез в доме. К этому времени вокруг меня творилось настоящее сумасшествие. На мои крики сбежались соседи. Я разбудила не только дом, а весь квартал, наверное. Я смотрела на неестественно лежавшее тело мужа остекленевшими от шока глазами, но не двигалась с места, а, затаив дыхание, ждала спасательную медицинскую машину. Я чувствовала, как что-то

сломалось в голове, но надежда, призрачная, сказочная надежда, не покидала меня до фразы серьезного дяденьки в белом халате: «Девочка мертва, как и мужчина». Для него это были «девочка» и «мужчина», а для меня вся жизнь и смысл жизни. В этот миг что-то сломалось в груди. Как ни странно, я стойко приняла констатацию смерти своей семьи и не стала бросаться к ногам врачей со слезами и мольбами о чуде. Без лишних слов я уступила малышку докторам и пошла домой.

Я напряглась. И теперь смотрела на женщину-хамку по-другому – она больше не вызывала отвращение, а, скорее, жалость. Если бы у меня за плечами не было собственной трагедии, я, возможно, попыталась бы обнять ее и утешить, но я не делаю ничего подобного, ибо знаю – это бесполезные манипуляции. Горе всегда меняет людей, но каждого по-своему. Нет двух одинаковых судеб, как нет одинаковых отпечатков пальцев. Нет общей единицы измерения боли, она у каждого своя, и я точно знаю, что унять эту боль не способен никто, даже человек со схожими децибелами колебаний в душе.

– Я переставляла ноги не спеша, торопиться-то уже было некуда. Кто-то из соседей пытался одернуть меня за рукав халата, кто-то окликал, но я будто оглохла и просто шла. Почему-то я не стала дожидаться лифта. Сто сорок пять ступеней – и я дома. Входная дверь была не заперта. Переступив порог, сразу натолкнулась на бесполезную теперь коляску, споткнулась о туфли мужа и побрела дальше. Зашла на кухню, взяла самый большой нож. Комната братца находилась в дальнем углу квартиры, и именно туда я и направилась. Когда я распахнула дверь в его комнату, моим глазам открылась совершенно очаровательная картина – здоровый детина спал, будто младенец в утробе, да еще и с большим пальцем во рту. Будто и не случилось ничего. Будто не он только что прикончил двоих человек. Безмятежность и покой царили в воздухе. Он даже разделся до трусов, хотя я в последний раз видела его в брюках и рубашке. У меня не дрогнула рука, когда я легко и просто перерезала братцу погибшего мужа глотку. Даже сердце не екнуло. Этот монстр так и не проснулся. Когда в комнату вбежали мужчины в погонах, я наносила тридцать восьмой ножевой удар. Это мне потом рассказали. Прежде чем зачитать мне приговор, у меня спросили о раскаянии, что однозначно уменьшило бы срок, но я ни в чем не раскаивалась. Прежде чем осудить меня, специалисты обследовали все мое нутро на признаки безумия, но ничего не нашли. Всякий раз, как мне задавали один и тот же вопрос, из моих уст звучал один и тот же ответ: «Я находилась в здравом уме и трезвой памяти и ни о чем не сожалею. Повернув время вспять, проделала бы то же, а может быть, успела бы нанести этому извергу на десяток ударов больше». Таким образом я получила пятнадцать лет,

но спустя десять, за хорошее поведение, да и амнистия сыграла на руку, меня освободили.

Женщина избавилась от третьей сигареты и тут же прикурила четвертую. Она дымила, не прекращая, но я больше не чувствовала зловония табака, а только вонь прожитых ею дней.

– Что делать со своей свободой, я не знала. Тридцатник на носу, а с таким прошлым глупо было бы рассчитывать на сказочную судьбу, тем более что один раз мне уже везло в этом деле. В общем, не покидая пределов «Касатки», я попросилась на работу, ведь стряпать всегда умела, да и документ о полученной профессии имелся. Да я и без того часто работала на тюремной кухне. Мне не отказали. Как оказалось – с поварами у них перебои, уж не знаю, по какой причине. Я еще два года провела на тюремной территории безвылазно. Желания возвратиться домой не было. Родители моего супруга умерли почти сразу после своих мальчиков – у обоих инфаркт или инсульт, я не вникала. Все их добро было оставлено мне – квартира, дача, машина. Но мне это неинтересно. Первое, что я сделала, когда собралась с духом появиться за пределами серых стен, – разослала по газетам объявления о продаже всего, чем обладала. Дальше подъезда дома, в котором когда-то я была так счастлива, я не заходила даже в день, когда квартиру решились приобрести какие-то люди. Я все распродала через посредников. На часть вырученных денег купила себе однушку на окраине, а все остальные пожертвовала детской больнице. Тешу себя мыслями, что кому-то жизнь спасла. Так с тех пор и живу. Одна, в однушке, без планов на будущее, с постоянно стоящим перед глазами прошлым.

Как же хорошо я теперь понимала эту женщину. Как же знакомо мне ее – «что делать со своей свободой?». Боль у нас разная, но такие схожие судьбы. Жизнь вдоволь поглумилась над нами обеими.

– Скажи, вот если об этом дерьме не рассказывать, а таить и копить, долго ль душа выдержит и не разорвется от боли? – Женщина впервые пристально посмотрела мне в глаза, и не знаю, что увидела она в моих, а я в ее прочитала эту боль. – Вот я и выплескиваю постоянно одно и то же направо и налево, и мне легче становится. Спустя годы могу теперь о своем прошлом вспоминать спокойно, а если б утаивала все, навряд вышло бы что-то. Руки бы на себя наложила или убила бы кого, задай мне не осведомленный человек не те вопросы. А так... Несу свой крест, да живу, как знаю. Мои родители, кстати говоря, от меня отказались. Не нужна нам дочь уголовница, стыд-то какой.

Позор на весь район! Да что там район – область вся смаковала эту кровавую историю, а с их слов – чуть ли ни вся страна! Они даже вынуждены были переехать в другую деревню, чтоб людям в глаза спокойно смотреть. А я и не набивалась. Им на меня плевать, а мне на них. Вся моя жизнь была в муже и доченьке, а не в одобрении или осуждении родных, близких и абсолютно посторонних людишек. Кто знает, как бы сложилась моя судьба после освобождения, не познай я до того, как попала за решетку, истинного счастья. У меня было все. Жаль, два раза в жизнь человека не приходит такая благодать. А на меньшее я уже не согласна. Да и заменить мужа и дочку другими людьми я никогда не сумела бы. Вот такие дела, барыня.

Женщина снова выбросила окурок, но уже не стала тянуть в рот следующую сигарету, а спрятала руки в накладных карманах.

– Жизнь может оказаться еще той сухой, но это не значит, что и ты должна озвереть. Так что, милая моя, поубавь спеси, будь проще и как-то выживешь в этом мире.

Слова незнакомки находят в моей душе невероятный отклик, но я все еще молчу. Мне комфортно в моем безмолвии, но впервые за два года мне захотелось заговорить.

Женщина вдруг резко повернула ко мне голову, немного прищурилась и, ударяя себя ладошкой по лбу, практически проорала:

– Батюшки, да ты ж та самая немая! Точно! Это ж тебя сегодня выпустить должны были. О тебе только и говорят во всех закутках! Я ведь права?

Мне остается лишь кивнуть.

– Ты уж не сердись на меня, я ведь не признала, вот и пристаю к тебе со своим уставом, так сказать. – Женщина виновато улыбается, выставив напоказ зубы цвета черного чая. – Вот дура-то, выговориться, говорю, надо, высвободить душу, выплеснуть дерьмо, а сама-то и не ведаю, что ерунду советую. Ты уж не обижайся, я не со зла. Могу только посочувствовать твоему горю, ведь ты даже исповедаться не в состоянии. Представляю, как невыносимо держать все в себе и не взорваться. Вот я в очередной раз выговорилась – можно жить дальше, пока снова не припрет. А ты... Бедняжка.

Искреннее сочувствие в голосе проникает в душу теплым лучиком, а на первый взгляд показавшаяся хамкой тетка вдруг преобразилась в самую обычную простодушную женщину, без намека на коварство и лукавство. Это подкупало. Внутри я в очередной раз ощутила звоночек, сигнализирующий о том, что, возможно, пришло время исповеди. Душевное напряжение отпустило.

– Заговорила я тебя. – Женщина звонко смеется, хотя несколько минут назад я бы решила, что она насилует своим противным, колким хохотом мои уши. – Но ничего, иногда нужно и о чужом услышать, чтоб понять, что твоя жизнь не так ужасна. Знаш, сколько я всего переслушала? О-о-о, недели не хватит, чтоб пересказать. Но ты не бойсь, я о чужом трепаться не любитель. Чужое на то и не мое, чтоб о нем другие рассказывали, а не я. Мне и своего в избытке. Другим давно известно, что передо мной, как перед батюшкой. Тюремные крысы не устают благодарить, что их, несчастных, донимают нынче реже, – она смеется, – а все мне в уши вливают. А я что? Я ничего. Сама давно всем по доброму десятку раз пересказала свою жизнь, чего б других не выслушать? Даже прозвищем со временем обзавелась – Психологиня. Ой, не могу! Смешно даже. Слово-то какое выдумали!

Женщина так заразительно смеется, что даже я непроизвольно начинаю улыбаться. Как же в эти мгновения хочется, чтоб улыбка приклеилась к моему лицу и никогда больше не покидала меня.

В минутку смеха вдруг ворвался какой-то далекий противный гул, а затем на горизонте появился огромный красный автобус. Он кряхтел, но все же приближался.

– О, счастье-то какое! Все, радуйся, отмучилась. – Не переставая улыбаться, тетка быстро оторвала зад от скамьи. – Больше я тебя донимать не буду, но, милая, запомни мои слова – из души на волю нужно выпускать все – как хорошее, так и плохое, чтоб место высвободить для чего-то нового. Почему я это знаю? Да потому, что заново научилась смеяться, только когда отпустила лишнее и приняла все, что мне Господь послал. Перестала наконец рыдать и на судьбинушку горькую жаловаться. А все почему? Да потому, что когда выворачиваешь наружу нутро, начинаешь себя лучше понимать. Ты посмотри заграничное кино – психологи-то деньги лопатой загребают, а все почему? Точно не потому, что дают нужные советы, нет. Они ни черта не делают, кроме того, что создают видимость, будто их твои проблемы волнуют. На самом деле

человек исцеляет себя сам, когда озвучивает свои беды, искренне, без стыда и стеснения, будто в Судный день. С каждым разом вопросов и слез остается все меньше, и в итоге ты снова начинаешь улыбаться и замечать в этой жизни пусть небольшие, но позитивные моменты, которые повсюду можно встретить, если глаза раскрыть от черной занавески. Жизнь паскудная штука, как ни крути. Способность пройти путь из точки «А», оставив в ней кусок себя, в точку «Б», где снова придется расставаться с частью сердца и души, – и есть великое умение жить. А если весь этот путь не избавляться от скопившегося дерьма, добраться в точку «Б» в здравии практически невозможно. Не дано выговориться, заведи тетрадь какую, да ей все изложи. Бумага что, бумага выдержит еще больше, чем несчастные крысы. А избавляться нужно.

Последние слова тетка практически прокричала, так как приближавшийся автобус издавал такие звуки, будто был предвестником конца света и, не стесняясь, сообщал грохотом и гулом о том, что он не за горами. Красный зверь притормозил практически у наших ног. Издав страшный, пыхтящий звук, открылась дверь в салон, и на какое-то мгновение стало почти тихо.

– Ну что, едешь, или как? – Прежде чем незнакомка успела поставить на ступеньку обе ноги, я, бросив рюкзак на скамейку, вцепилась в ее руку хваткой голодной овчарки.

– Оставайтесь, – неожиданно для самой себя срывается с губ, и, прежде чем мне что-либо отвечает тетка, я успеваю поймать себя на мысли, что мне странно слышать свой собственный голос.

– Вот это номер?! – С широко раскрытыми глазами и знаком вопроса во все лицо женщина убирает ногу со ступени. Грязные ботинки обеих ног оказываются снова на одном уровне – на асфальте.

– Я не такси, ждать не собираюсь! – Мужской бас тут же доносится из салона древнего и страшного, как этот мир, автобуса.

Тетка, без тени сомнений выставив средний палец, с силой ударила по переднему колесу:

– Больно мы тебя просили нас ждать!

– Малахольная! Лечиться не пробовала!

– Что?! – Глаза женщины заискрились, но водитель сумел закрыть дверь прежде, чем та влетела в салон.

Красный зверь с пуканьем и ревом отправился в дальнейший путь. Благодаря мне впереди нас двоих ждали еще несколько часов пребывания на свежем воздухе. Почему я так поступила? Сложно объяснить. Это был порыв. Внутри что-то подсказывало, что, если я не начну разговаривать сейчас, я уже не захочу делать это никогда. Я созрела для избавления.

– Вот же черт рогатый! – прозвучало вслед удалявшейся машине, а затем тетка резко переключилась на меня: – Так ты, выходит, и не немая вовсе? Это как же так? Выходит, два года ты дурачила всех? Ну ты, девка, даешь!

С выражением изумления на лице она снова уселась на скамью и сразу же вооружилась сигаретой.

– Любая история о прошлом всегда требует много никотина, чтоб перевариться и усвоиться лучше. О твоей истории слышана, она ой как много сигарет съест. Чего только люди не болтали, но только тебе одной известна истина и ответы на вопрос – за какие такие прегрешения ты приговорила к смерти обоих родителей. Со мной вот все понятно, а ты прославилась тем, что ни следователю, ни адвокатам, ни прочим людям, задающим вопросы, не дала ведь ни единого ответа. Даже письменно. – Тетка закурила. – О причинах, которые толкнули нас на убийство, вообще мало кто справляется, а понять никто и не стремится. А оно-то, одно дело, когда ты убиваешь ради наживы или забавы, и совсем другое, когда у тебя сердце живьем выдрали, и ты просто воздаешь по заслугам. Ты ж вообще – ни слухом ни духом ничегошеньки не прояснила, а позволила бурной людской фантазии разгуляться. Уж поверь, люди вдоволь нафантазировали, обсудили, осудили, перемыли все кости, даже собственные вариации приговора твоего предлагали, так, между делом. А кто я такая, чтоб судить – зачем да почему ты так поступила, а потом решила онеметь? Знать, причины на то были. Что ж, мадама, выкладывай, как на духу, ведь не просто так ты меня остановила.

За те минуты, которые у Психологини снова не закрывался рот, я успела раскаяться в собственном поступке. Я не понимала, зачем остановила ее, и уж

тем более – зачем произнесла роковое «останьтесь». Но дело было сделано, и я прекрасно понимала, что уже не отвертеться.

Присаживаюсь рядом.

– Можно и мне сигаретку? – Женщина молча протягивает предварительно раскрытую пачку. – Спасибо.

Без слов, как ни странно, тетка щелкает зажигалкой и подносит к моему лицу огонь. Кашляю, но не отказываюсь от затеи покурить, вдруг и в самом деле мне с никотином проще будет «переварить» собственную жизнь.

– В том, что все вокруг решили, будто я немая, не моя вина. Мне просто не хотелось разговаривать. Нечего было сказать. Да и не видела я смысла в собственных словах.

– А теперь видишь?

Мы дружно выпускали дым, и я открыла для себя неведомую до этого момента тайну о магических свойствах никотина сблизать людей. Казалось бы, что особенного в этом по всем статьям вредном процессе, но разницу между курящим собеседником и беседе под сигаретку я уловила сразу. Клубы дыма будто настраивали на одну и ту же волну, сблизали.

– Пока не до конца, но... – Странно произносить слова вслух, а не в уме, но назад дороги нет. – Мне очень хочется, чтоб ваши теории относительно силы слов оказались верными и мне наконец стало хоть чуточку легче.

– Дорогуша, я те о чем битый час толкую? Сама себя после разговора не узнаешь. А я что, я как те тюремные крысы – стерплю любую исповедь, пусть даже после нее у меня хвост отвалится и шерсть клоками начнет выпадать. Мне не впервой.

Женщина снова захохотала, а я пыталась сообразить – с чего бы начать?

В жизни я не единожды обнажала тело и проделываю это ежедневно на протяжении долгих лет, как и вы, и миллиарды людей, но нет и дня, когда бы я

полностью обнажила душу. Я всегда боялась это делать, даже находясь наедине с собой. Но сейчас я чувствую, что нужно сбросить все нарощие за жизнь кожи и позволить свету коснуться самых темных уголков моей сущности.

Никотин пробирался по моим внутренностям, будто ядовитый паук по малюсеньким коридорчикам, щекоча брюшком их границы. Я подняла глаза к небу, глубоко вдохнула и начала свой рассказ издали. Чтобы что-то прояснить в настоящем, всегда нужно копнуть глубоко в прошлое. Уж я-то знаю, о чем говорю.

– Впервые я столкнулась со смертью в далеком семьдесят седьмом. Мне было шесть. Начался май. Все вокруг цвело и пахло. Трава сочная, солнце горячее, бабочки яркие. Моя няня, милейшая старушка Прокоповна, повела меня на прогулку в прекрасный яблоневый сад, принадлежавший нашему поселку. Сейчас я попробую перенестись в этот, один из дней, который не затерялся бесследно в сотнях других прожитых. Значимых дней в моей жизни на самом деле было не так много. Дни, которые въелись в память навсегда и которые сильно повлияли на то, кем я являюсь сейчас, можно сосчитать на пальцах. У всех оно так. Но как же мне иногда хочется, чтоб некоторые из них навсегда сгнили, а не продолжали кровоточить даже спустя много лет.

Прикрыв глаза, я практически проваливаюсь в тот день и час. Со всех сторон меня окутывают странные новые ощущения – никотиновое опьянение, волнение от возобновленной способности произносить слова и мелкая дрожь от предстоящего погружения в прошлое, равнозначное трансу.

Урок

Весна 1977 года

С широко раскрытыми глазами я, кроха шести лет, стою и смотрю на тело незнакомой старушки, болтающееся на дереве. Ее губы черные. Ее кожа желто-синяя. От нее разит туалетом и протухшими яйцами или чем-то вроде того. Тонкая шея перетянута ремнем, привязанным к одной из веток.

Я не понимаю, что происходит, но замираю на месте, и только удивленные глаза бегают туда-сюда, опасаясь обнаружить еще кого-то живого или мертвого рядом.

Я ничуть не испугалась. Дети боятся только тех вещей, которых велят им бояться взрослые, а в моем перечне страхов не значилась реакция на встречу с трупом. Я с любопытством рассматриваю яркий наряд старушки: на груди сверкают увесистые гроздья крупных алых бус, синее ситцевое платье с широкими рукавами и резинками на их концах в огромные красные маки, белоснежный, почти прозрачный платок с бахромой и вышивкой на голове, а ноги обуты в новехонькие коричневые туфли на небольшом каблучке с ремешком. Я никогда не видела более красивого наряда ни на одной из живших в нашем поселке женщин. Мама всегда предпочитала сдержанные, почти мрачные цвета. Няня, Прокоповна, всегда была либо нежно-розовой, либо небесно-голубой, либо золотисто-песочной – приятные оттенки любых существующих цветов. А тут столько всего и сразу! Вот только прекрасный наряд портило до ужаса истощавшее лицо, запавшие щеки, ладони с целыми траншеями грязи, устрашающие ногти. Прекрасное и ужасное в одном просто загипнотизировали.

– Мать Божья! – неожиданно и слишком громко раздается позади меня, заставляя вздрогнуть и прийти в чувство.

Оборачиваюсь на голос Прокоповны. За все шесть лет своей жизни я никогда не видела на добром лице няни такого ужаса. Она подскочила ко мне и, развернув лицом к себе, крепко прижала.

– Ведмежонок, дитя мое дорогое, ты не должна была этого видеть! Господи Иисусе! Что ж это такое творится?! Ильинична, что ж ты натворила?.. Идем, Кирочка, быстренько идем за помощью. Нужно милицию вызвать да людей оповестить о такой находке.

Крепко сжав мою руку, Прокоповна практически насильно вытащила меня за пределы цветущего сада, но я все же умудрилась пару раз оглянуться, чтоб навсегда запомнить красоту ярких маков и уродливость смерти.

На пути к моему дому Прокоповна успела оповестить всех встретившихся нам людей о страшной находке. Все встречные лица без исключения искажал ужас,

такой же, как застыл на лице Прокоповны.

– Милая Кирочка, во имя всего святого, не рассказывай родителям об этом ужасном эпизоде. – Прокоповна усадила меня на табурет за кухонным столом, а сама присела на корточки и взяла мои ручки-сардельки в свои вяленые-осьминоги. – Врать не нужно. Я всегда за правду, и тебе это прекрасно известно, но в этот раз не стоит с правдой торопиться. Просто не спеши делиться новостью, я сама сообщу твоим родителям, если до меня кто не успеет, о трагедии. То, что в саду мы с тобой гуляли, не страшно, это можешь не утаивать. А если спросят – находку нашла я, а ты в нескольких шагах цветы на лужайке собирала и ничего не видела. Может, Господь милует, и никто и не спросит. Договорились?

Для маленькой меня Прокоповна была ангел во плоти, и не сделать так, как она просит, я просто не могла. Из уст няни я принимала за чистую монету все! Скажет она на черное – белое или что снег – это дело рук ангелов, которые шалют на небе, значит, так оно и есть. Я доверяла ее опыту безоговорочно. Я впитывала в себя все, что произносили когда-либо бледные губы Прокоповны, как пустыня впитывает случайно пролитую на ее территорию воду.

– Договорились, – шепчу и опускаю глаза вниз.

– Ведмежонок мой расчудесный, как же нам все это пережить? – Прокоповна нежно прижимает меня к груди, в которой бешено колотится сердце.

Больше о том, что мы видели среди цветущих яблонь, Прокоповна не обмолвилась ни словом. Я же до конца дня терзалась миллионом вопросов, но задать их не решалась.

Ближе к вечеру домой явилась мама, и первое, что прозвучало из ее уст, было:

– Прокоповна, это правда?

– Да, милая.

Это единственное, что я слышала. Я играла в гостиной и не могла видеть, что творится на кухне, куда поспешила мама и где хозяйничала Прокоповна. Среди

игрушек, разбросанных на ковре, у меня и куклы, и кастрюли со сковородками, и солдатики, и плюшевых зверят полно, неваляшки, юла, но все мысли остались в саду. Я самостоятельно пыталась понять – что это было, но ничего не выходило. Все прояснилось на следующий день, а затем я охотно обо всем забыла. Думала, что обо всем.

С утра пораньше мама снова убежала на работу, а отец всегда уходил из дому ни свет ни заря. Я и Прокоповна снова были предоставлены друг другу, и первое, что прозвучало из моих уст, – съедающие изнутри мой детский любознательный мозг вопросы.

– Прокоповна, а что это вчера было?

Старушка сидела в двух шагах от меня, на скамье. Еще до моего рождения отец соорудил у нашего двора песочницу, хотя «отец соорудил» – это ложь, он просто дал указания своим подчиненным. Сидя в песочнице с десятком разноцветных игрушек, предназначенных для игр с песком: лопатка, грабли, ситечко, пасочки, ведерко, – я решаюсь начать такой важный для себя разговор.

– Что именно, Ведмежонок?

Гадая, то ли няне вдруг память изменила, то ли я неправильно спросила, я повторила попытку докопаться до истины.

– Ну та бабушка вчера... Почему она висела на дереве? Почему от нее воняло, если она так нарядилась? Что она делала в саду? Кто ее повесил на дерево?

Прокоповна непривычно долго подбирала слова:

– Милая, не стоит ворошить вчерашний день. Ни к чему это.

– Но ты ведь всегда учила меня, что всегда нужно спрашивать, если чего не понимаешь. Как ты любишь повторять? Как, а?

– Глупый не тот, кто не знает и спрашивает; а тот, кто не знает и узнавать не стремится. – Старушка медленно и как-то по-особому грустно выдыхает. – Что ж, сама виновата. Но ты, милая, права – ответы нужно получать, если того требует

нутро.

Бросив все, я понеслась к скамейке со скоростью соседской кошки, которую мне ни разу не удалось поймать. Усевшись поудобнее, с воодушевлением уставилась на несчастную няню, которой от моей любознательности деваться было некуда.

– Ты ведь знала Ильиничну? – Живо мотаю головой из стороны в сторону, всем видом показывая уверенное «нет». – Как «нет»? А кто же вам молоко и яйца всегда приносил? Кто клумбы ваши вскапывал? Кто каждую осень овощами да фруктами ваш подвал заваливал?

Я напряглась. Как бы ни старалась расшевелить свой крохотный мозг, кроме скрюченной черной бабки, сжимающей в руках сооруженную из платка котомку с яйцами, грязной старушки, копающейся в нашем саду, из рук которой я никогда не принимала даже самых ароматных пирожков – вспомнить никого не удалось.

– Я никогда не видела ту бабушку. Я тебе точно говорю, я бы ее запомнила. А нам яйца с молоком приносит очень страшная бабушка в черной грязной одежде. И клумбы копает, и яблоки с картошкой приносит тоже бабуля очень страшная.

– Дитя... – Прокоповна слабо улыбнулась и провела ладонью по моей косе. – Эта бабушка, которая так тебя пугала, и была Ильинична. Зачем для тяжелой работы красивые наряды примерять? А вот в последний путь – другое дело.

Я тут же раскрыла рот, но няня предугадала мой вопрос.

– Что такое «последний путь»? – И дождавшись моего кивка, продолжила: – Это когда человек больше не будет ходить по этим тропам да дорожкам никогда, но прежде чем отправиться в лучший из миров, он проходит свой последний путь здесь. Вот поэтому Ильинична и нарядилась, чтоб в другой мир проследовать красавицей.

– Но у нее только вещи красивыми были, а сама-то она все равно не красавица.

– Да, Ведмежонок, жизнь не оставила ей шансов сберечь красоту.

- Это как?

- Судьба у нее очень сложная и тяжелая была. Слишком много горя она хлебнула и под конец сломалась.

- А как это «горя хлебнуть»?

- Какая ты у меня любознательная, не перестаю удивляться. Это когда много плохого жизнь преподносит. А Ильиничну она не пощадила. То война, то голод, то ссылка, то муж погиб, то ребенок, то болезнь... Много всего было, о чем вам, милая, знать не обязательно. Главное вот что - нельзя поступать так, как поступила Ильинична, что бы в жизни ни происходило.

- А как она поступила?

- Плохо. Очень плохо. - Прокоповна подняла глаза к небу. - Ты знаешь, кто такой Господь Бог?

- Нет, - растерянно прошептала я в ответ.

- Ничего удивительного, твоим родителям по должностям не положено даже думать о нем, не то что говорить. Твой возраст не совсем удачен для подобных бесед, но я все же попытаюсь объяснить тебе кое-что в нескольких словах, а остальное узнаешь в свое время. Бог - это наш создатель и хранитель. Ты, я, твои родители и все остальные люди, звери, птицы, рыбы, природа, погода - все в нашем мире - когда-то очень давно создал Господь и на протяжении многих лет хранит и оберегает собственное творение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/goray_agata/zabyt-nel-zya-pomnit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)